

Елена АРСЕНЬЕВА

ЧУЖОЙ

Елена Арсеньева

Чужой

«Автор»

2019

Арсеньева Е. А.

Чужой / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2019

Потомок волка и собаки, он отчаянно хочет стать своим в стае, он яростно ненавидит людей и мечтает убить человека. Однажды на охотничьей тропе он встретит врага и бросится в схватку...

© Арсеньева Е. А., 2019

© Автор, 2019

Елена Арсеньева

Чужой

*Животные не спят.
Они во тьме ночной
Стоят над миром каменной стеной....
И зная все, кому расскажет он
Свои чудесные виденья?*

Н. Заболоцкий

...Ярро, сын Герро и Барри, лежал на снегу и смотрел, как солнце катится за синие сопки на противоположном берегу реки. При этом белые пушистые облака заливались, как кровью, красным светом. Ярро вспомнил теплую кровь, пятнающую мягкое, трепещущее тело зайца, но не двинулся с места...

Имя Ярро по-волчьи значит «чужой». Почему именно ему дали это имя, было непонятно. Ведь он родился в стае, в тайге, это его мать была чужая: она когда-то пришла в тайгу от людей, ее, собаку, приняли к себе волки, а молодой Герро – теперь он вожак стаи – сделал ее своей подругой. Но матери дали имя Барра – «Красотка», и она принесла своему спутнику и стае пятерых... волчат? щенят? – словом, пятерых детенышей. Четверо получили нормальные волчьи имена, а один, появившийся на свет первым, оскорбительную кличку – Чужой. Иногда Ярро чувствовал за это злую обиду на соплеменников, но утешался тем, что, став взрослым волком, он сможет взять себе другое имя. Ярро хотел бы называться как отец – Ветром, а еще лучше Храбрым. Но если он успеет до того, как ему исполнится три года – время выбора нового имени, – совершить задуманное, то потребует, чтобы его назвали не иначе, как Убивший Человека.

Мать Ярро считалась в стае непревзойденным знатоком повадок Человека. С нею советовались даже матерые волки, и не зря: долгие годы ее жизни прошли в логове Человека. Тогда ее имя было иным. Тогда эту желто-серую узкоглазую лайку с неуловимо-лукавым выражением острой мордочки звали Сильвой. Хозяину привезли ее из далеких холодных краев крошечным щеночком, и Сильве иногда снились беспредельные белые равнины; колючая наледь между подушечками натруженных лап, которую на привалах приходится долго выгрызать; тяжесть постромок, тянущих назад, в то время как общее тело упряжки рвется вперед и вперед... Она не запомнила этого глазами и разумом, никогда не испытал, но, наверное, память поколений предков сохранилась в крови. Эта смутная память была подавлена теплой, сытой жизнью в квартире из трех комнат – так называл свое логово Человек. Превратиться в некое подобие холодно презираемых ею глупо-кудрявых или тонконогих, вечно трясущихся собачонок ей мешала неутраченная и непонятная тоска, глубоко спрятанная под привычками и привязанностью к Хозяину и Хозяйке, внешне проявляющаяся в капризном, независимом характере. Неумная страсть Хозяина к лыжным прогулкам зимой и частым походам летом помогала этой тоске развиваться и крепнуть. Действительность оживляла краски, запахи и звуки памяти, добавляя к ним то, чего не знали и на могли знать предки Сильвы, не покидавшие северных земель.

Тайга пугала и манила Сильву: резко, больно билось сердце от бесчисленных живых, сверкающих запахов, шире раскрывались длинные, узкие глаза, сильные лапы подгибались – в тайге у Сильвы всегда был какой-то растерянный вид, но все-таки она послушно и неумолимо шла рядом с Хозяином, не забегая вперед и не отставая, хотя обычно ее было трудно удер-

жать. Хозяин потом частенько замечал с небрежной похвалой: Сильва бесподобно усвоила команду «рядом»! – и не догадывался, что в тайге он для своей собаки всего лишь нечто вроде цепочки, привязывающей ее к спокойному и привычному миру.

Хозяйка скрыто недолюбливала Сильву. Уж если иметь собаку, думала она, то скотч-терьера или эрделя – шерсть у них не так лезет, а вид более экзотический и престижный. Хозяин приобрел именно лайку, потому что одно время решил, было распоститься с тесным и душным городом и поселиться в тайге, на худой конец в дальнем пригороде, в собственном доме, колоть дрова, наблюдать пляску огня в печи, а вечером выходить во двор в наброшенном на плечи полушубке, долго смотреть на чистые, ничем не затуманенные звезды; охотиться... Жена, однако, взбунтовалась, и они остались в городе. Хозяин решил, было, перепродать Сильву, но отговорил приятель: подсказал, что на этой неприхотливой собачке можно сделать хорошие деньги, когда она подрастет и оценится – нужно только подыскать чистопородного партнера. С деньгами у Хозяина всегда было туго. Так Сильва осталась в доме – как вложенный в прибыльное дело капитал. Она привязалась к людям, хотя они никогда не нежили и не ласкали ее. Но в памяти – невнятно, полузабыто – жил один случай...

Сильва, конечно, не знала подробностей, которые состояли в том, что, когда она была совсем щенком, к Хозяевам приехал на зимние каникулы дальний родственник из небольшого приморского городка – пятнадцатилетний мальчик. Сильву только что привезли, она простудилась в дороге и захворала. Задыхалась от жара, глаза болели и слезились, все время знобило... Хозяйка брезгливо передергивалась, слыша жалобное скуление. Хозяин растерялся. Мальчик все каникулы провел с ней: поил теплым подслащенным молоком с растворенным в нем лекарством, отогревал, завернув в собственный шарф, а на ночь украдкой брал в постель. Именно это запомнила Сильва: горячую, темную тишину в комнате, призрачные белые узоры на замороженных окнах, тоску по теплому материнскому боку и давящий страх, который, однако, оставлял ее, сменялся сонным покоем, когда, еле слышно поскуливая, путаясь в одеяле и простынях, она пробиралась к подушке, сворачивалась клубком, стараясь уткнуться носом в горячее, гладкое, горьковато, но так успокоительно пахнущее, мерно вздымающееся плечо Человека, который Сильва, не зная названия словам и чувствам, смутно ощущала это – любил ее... Через десять дней мальчик уехал, на прощание поцеловав Сильву в морду влажными и солеными губами. Он просил Хозяина отдать ему щенка, но к тому времени Сильва уже стала ценным капиталом.

Шло время. Сильва повзрослела. У нее начался какой-то странный период: нового беспокойства, новых ощущений и странной, раздражающей нечистоты, в которой она, однако, ощущала нечто, совершенно изменившее ее жизнь. В один из дней Хозяйка, насупясь, огрызаясь на Сильву, скатала и убрала с полу большую яркую ворсистую подстилку, с которой всегда гоняла собаку, и завесила тряпками мебель. Сильва слегка встревожилась. И не зря. Через некоторое время появился Хозяин в сопровождении широкогрудой остроухой лайки темно-серого цвета. Сильва ощутила странную, мгновенную тягу к этому псу – тягу, смешанную с отвращением. В чем дело, она, конечно, не смогла бы объяснить, даже если бы была Человеком, который, как известно, может найти объяснение всему на свете, даже необъяснимому. Но то ли глупо распыленный оскал его пасти, то ли приторный запах, то ли еще что-то заставило ее забраться под стол Хозяина и затаиться там, злясь все больше и больше, коротко, ненавидяще и вместе с тем отчаянно влаивая и не подпуская к себе огорченного, испуганного кобеля. Так и не подпустила. Хозяйка смущенно смеялась, Хозяин недоумевающе заглядывал в глаза Сильве, а та гнула шею и нервно вздрагивала. На улице началась жара, потом опять стало прохладно. От листьев, которые уже не шумели над головой, а вяло лежали на земле, шел сырой, острый запах. Ноздри Сильвы раздувались от этого запаха, все время хотелось выть, но не тоскливо, а как-то иначе... У нее опять началась течка, она опять забеспокоилась, томилась, злилась, вспоминая умильную морду того кобеля. А с улицы неслись запахи, запахи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.